

Андрей Бычков

Самурай

*Часть сборника
Дипендра (сборник)*

Андрей Бычков

Самурай

«Автор»

Бычков А.

Самурай / А. Бычков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-12035-8

«Исследуя свою свободу, я вдруг однажды понял, что я исследую свою смерть. Как и многие, я не хотел жить в этом мире... ..у меня был друг, которого я действительно любил и которого я, наверное, возьму с собой на небо.».

ISBN 978-5-457-12035-8

© Бычков А.

© Автор

Андрей Бычков Самурай

Исследуя свою свободу, я вдруг однажды понял, что я исследую свою смерть. Как и многие, я не хотел жить в этом мире, но никак не мог от него избавиться. Я с радостью бы предал все, что тогда меня окружало, в том числе и многих из своих тогдашних друзей, но сил для такого подвига у меня пока еще не было. Во мне не было и необходимого для этого поступка абсолютного зла. В глубине души я считал себя добрым, хотя где-то, еще глубже, наверное, знал, что я просто слаб. Ведь делать добро другим часто означает от них защищаться, мы все вынуждены что-то отдавать, лишь бы нас не трогали. Человек сильный конечно же возразит, что то, что я называю здесь добром, вряд ли заслуживает подобного названия.

Впрочем, у меня был друг, которого я действительно любил и которого я, наверное, возьму с собой на небо.

Часто, лежа один по вечерам на кровати, я представлял, как отчаливаю, а они, мои трупачи, остаются на берегу, и с расстояния становится видно, что это не суша, а всего-навсего часть, всего лишь остров или один из множества островов. Так чего держаться-то? Если из твоей жизни никто не исчезает, если никто не забывается, то ты так никогда и не изменишься.

Чего же я тогда не мог им простить, своим очаровательным трупачам, и с чем мирился, втайне питаюсь своей неприязнью? Втайне – неприязнью, а наяву – теми услугами, которые они мне оказывали. А они-то как чуяли мою подпольную свободу, знали, конечно же, что так нельзя, потому и лезли со своими предложениями. Я же старался по мере сил нигде не работать, не ходить «в присутствие» каждый день, не вставляться в этот огромный заржавленный еще со времен Христа лицемерный общественный механизм. Они-то, мои друзья, конечно же, были уверены, что рано или поздно в механизме становится легче, хотя бы потому, что за тобой вставляются другие, те, кто младше тебя, и тогда есть на кого переложить хотя бы самую неудобную и тяжелую часть нагрузки, а самому хоть немножечко да расслабиться. Конечно, не все так примитивно, и я не хотел бы разыгрывать из себя героя мифа для клерков, лишь бы кого-то там подразнить. Но все же они, мои друзья, знали, что так нельзя, и потому каждый раз, оказывая мне мелкие услуги, – например, давая займы (а я никогда не возвращал), или просто за столом на одном из их бесконечных дней рождения – выговаривали мне и какую-нибудь очередную скучную нравоучительную максиму, и по законам этой мудацкой игры я вроде бы не имел права им перечить. И я никогда и не возражал им, не говорил, о чем я думаю на самом деле. Может быть, это тоже была часть того странного заржавленного механизма, но только с другой стороны. То есть вот, если я им скажу, как я на самом-то деле думаю, если я им признаюсь, брошу, так сказать, вызов открыто, то тогда-то я и проиграю, оказавшись всего-навсего смешным идеалистом, если не сказать мудаком. И они набросятся на меня, мудака, инфантила и диссидента. Со всех сторон, они укажут мне своими толстыми пальцами на большие, серьезные вопросы жизни, они предъявят мне свои страдания, несправедливость, с какой с ними на каждом шагу обходится эта самая жизнь, конечно же, заговорят о детях, о помощи старикам-родителям, о том, что нужно жить на природе, то есть на даче, и о других благородных истинах. И это опять будет все то же окружающее меня со всех сторон добро, в котором если я до сих пор и не потонул, так только благодаря своей легкости. Говно не тонет – быть легче говна! Но скорее всего я не был готов к схватке, ведь, конечно же, нет никакого смысла что-то там объяснять тем, кто видит жизнь только из своей наезженной колеи, лишь бы только ничего поперек не лежало. Но схватиться с ними все же стоило, хотя бы лишь для того, чтобы всех их перебить, неважно чем, что

попадется под руку. М-да-с... Однако мифологемы мифологемами, а все же была и живая жизнь, которая меня с ними примиряла. У своих друзей я всегда мог неплохо пообедать – индюшатинка там, севрюжка, огурчики. Да и с ними же происходило что-то живое – то у кого-то поехали чулки, то кого-то чуть не сбила машина, а кто-то вдруг простудил нос... Да-да, кто-то простудил нос, и вот ведь – можно же начать обсуждать все Большие Вопросы Жизни по-другому. Не быть занудой. И потом ведь это тоже большой серьезный вопрос, отчего же так хочется быть веселым и злым? Но тогда я предпочитал скорее быть смешным, кривляться или отмалчиваться, залихватски углубившись в салат, стоило разговору зайти о чем-то по так называемому гамбургскому счету (и где они только брали такие слова?). Но каждый раз, возвращаясь от этих своих, так называемых, друзей, я погружался в жуткую тоску. Эти трупы со своими сентенциями не умирали, а наоборот оживали во мне, начинали новую жизнь, продолжая произносить свои нравственные напыщенные монологи, хотя я давно уже был один. Получалось, что они словно бы отложили тогда во мне свои маленькие беленькие яички и сейчас из них словно бы вылуплялись мои маленькие черненькие червячки. Почему им надо было ставить в центр вселенной какой-то абстрактный нравственный идеал, то, чего они в жизни-то сами никогда не придерживались, вот чего я никак не мог понять. Ну я – мерзавец, так я ж это признаю. А они-то все хотят остаться чистенькими. Вот и получалось, что я менял эти яички не только на их еду.

Но рано или поздно каждый из нас догадывается, что никогда ни от кого нельзя принимать подарков.

Вот так, чтобы хоть как-то да подвсплыть из-под добра, я и начал марать бумагу, выбрасывая из себя балласт своего молчания. Друзей своих я описывал в дневнике любовно, с оттяжкой, не щадил никого и бил по самому больному:

«Двойники, густая (полужидкая) колбаса, сидели на лавочке и ждали. Они ели сало и были, как сало, стол в саду, белое сало их лиц, склоненных над тарелками, черные воротнички, жидкие лица. Их ноги под столом, жизнь их ног, загибание пальцев, шуршание трущихся коленей, почесывание изогнутых стоп. Потому что они сняли ботинки, сняли туфли и отложили зонты, оставаясь в носках и в просвечивающих миллиметровых колготах на зеленой траве, на зеленой траве.

Каждый из них делал ему добро, делал, делал ему добро („Вот тебе! Вот тебе добро!“), за которое он теперь должен был им отомстить.

„Ни себя, ни своих глаз не видят они, – изумлялся он. – Почему?“ Глядя в отверзтые рты, исполненные темноты, изумлялся он в глубине своей муки за них. Или своей к ним любви?

Как веер, разворачивался веер, и на каждой складке было нарисовано лицо.

Вон тот, справа, волосатый-волосатый, бородатый-бородатый, с лицом, как смола, с глазами, как деревяшки, он им говорит, он им всем и говорит сидящим рядом. „Вот я был один раз в гостях и там разбил хрустальную вазу“. И смеется до побеления слюны на черных губах, смеется и раскачивается от смеха, к столу и обратно, к столу и обратно, и остановиться не может, так ему хорошо, за фанерой глаз хорошо, что им неприятно, им, сидящим рядом с ним, неприятно, что ему потому и хорошо, что им всем неприятно, и что они все молчат, потому что это они и есть, и это было у них в гостях, где он два года назад разбил вазу, вазу, единственную хрустальную вазу... „О-о, как я люблю друзей, как я их обожаю, дайте мне еще говядинки!“

Или вот этот, ученый-разученный, в очках, да без очков. Где твои очки? Что, ничего не видишь? Меня видишь? Я ж твоя истина. Ты, че, не понял? Где твой институт? Нет твоего института. Давай – продавай, пока не поздно, за бугор, а сам – в ларек. „Водочки не хотите?“ А сам за лоток: „Книжечку не купите?“ Вон тому господину продай, в бобровом воротнике, с мыльной рожей, ах, посмотрите, как он ковыряет в зубах золотистой зубочисткой,

иностранной зубочисткой, чудо века, зубочисткой заводной, бип-боп, сама чистит, только кнопки нажимай, а она будет чистить, чистить, чистить. О нет, этому не мешает его нос, этот будет трахать, так трахать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.